

Ольга Симонова

ДЕВОЧКИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГГ. О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ П. А. БЛЯХИНА «КРАСНЫЕ ДЬЯВОЛЯТА»)¹

В статье рассматривается повесть П. А. Бляхина «Красные дьяволята» (1923), главная героиня которой, девочка-подросток Дуняша становится участницей Гражданской войны. Создание образа «новой» героини, девушки, сражающейся за советскую власть, отвечало политической повестке 1920-х гг. и социальному заказу. Бляхин описывает активную героиню, которая соотносится с участницами Гражданской войны, изображаемыми в литературе для взрослых (повести А. Толстого, Б. Лавренева, В. Бахметьева). Характерными особенностями этих героинь становится присвоенная ими маскулинность, наряду с наличием черт, определяемых как «девичьи». Присутствие типологически сходных персонажей способствовало созданию единого поля детской и взрослой литературы о Гражданской войне. У Бляхина девичье в целом трактуется как положительная черта, которую писатель пытается совместить с категорией героического. В статье рассматривается предшествующий повести Бляхина опыт изображения девушки-подростка как участницы войны в детской литературе: показано сходство образа Дуняши и главной героини повести Л. А. Чарской «Игорь и Милица» (1915). Новаторство Бляхина заключается в том, что он не приводит свою героиню к гендерно-нормативной модели феминности, как Чарская, пишущая в финале повести о «женском предназначении», а закрепляет равенство полов, что отвечает новому гендерному порядку в Советской России.

Ключевые слова: русская литература 1920-х гг., авантюрно-приключенческая литература, П. А. Бляхин, Л. А. Чарская, «Красные дьяволята», «Игорь и Милица», гендер, маскулинность, Гражданская война

Ольга Алексеевна Симонова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Москва

osimonova@yandex.ru

В 1920-е гг. в рамках исполнения бухаринского заказа² на создание «красного пинкертона» появляется много произведений авантюрно-приключенческой литературы о Гражданской войне, особенно для детей [Маликова 2014]. О революционном авантюризме в произведениях для детей писали А. К. Покровская [Покровская 1926], М. О. Гершензон [Гершензон 1928a], Е. О. Путилова [Путилова 2014], Н. И. Родионова [Родионова 1990], С. Г. Маслинская [Маслинская 2019; Маслинская 2020] и др. Путилова отмечала, что обращение авторов к жанру авантюрной беллетристики было вызвано к жизни читательским запросом на утоление свойственной мальчикам «жажды приключений». Новые произведения опирались на богатую традицию приключенческой литературы, где главными героями, за редким исключением, были мальчики и мужчины. Сохранялась и ориентация такого вида литературы на читателя мужского пола.

В то же время известно, что в Гражданской войне приняло участие значительное число женщин, только в Красной армии их было 66 тыс. [Романишина 2018, 79]. Впервые в отличие от предыдущих войн женщины массово воевали, не скрывая своего пола. Образ женщины-солдата нашел свое отражение и в художественной литературе. Например, в романе Д. А. Фурманова «Чапаев» (1923) описывается, как молодые девушки, вчерашние подростки, пошли добровольцами на фронт, а одна из них показана в бою:

Тут же Маруся Рябина — девятнадцатилетняя девушка — тоже с винтовкой, шагает гордо, не хочет отстать. Она не знала... что через несколько дней, у Заглядина, так же, как теперь, пойдет она в наступление, вброд через реку, одна из первых кинется в атаку, и прямо в лоб насмерть поразит ее вражеская пуля, и упадет Маруся и поплывет теплым трупом по окровавленным холодным волнам Кинеля... Теперь она тоже улыбалась, что-то мне кричала дружеское, но не разобрал издали... [Фурманов 1960, 190].

Образ девочки, принимающей активное участие в боевых событиях Гражданской войны, появляется и в детской литературе, а именно в авантюрно-приключенческой беллетристике³. Одной из первых приключенческих книг для детей на тему Гражданской войны стала повесть П. А. Бляхина «Красные дьяволята» (1923), где девочка-подросток является равноправным с братом участником войны. Книга вошла в число тех редких произведений о Гражданской войне для детей, в которых женский персонаж является

главным. На примере повести Бляхина можно проследить, как формировался образ девочки-бойца, как влияли на изображение этой героини гендерные стереотипы и как изменялась гендерная иерархия в России в начале 1920-х гг.

Повесть была крайне популярна, она — единственная из всей приключенческой детской литературы того периода — дважды была экранизирована: в 1923 г. режиссером И. Перестиани («Красные дьяволята») и в 1966 г. Э. Кеосаяном («Неуловимые мстители»). Критики 1920-х гг. связывали популярность повести с использованием лекал из произведений Л. А. Чарской: «...проникнутая революционным пафосом повесть Бляхина „Красные дьяволята“ в литературном отношении примыкает непосредственно к Чарской» [Покровская 2013, 16]. Понимая под «пионерской беллетристикой» произведения авантюрного жанра, предназначенные для детей пионерского возраста, Маслинская раскрывает генезис повести Бляхина:

Такой авторитетный библиотековед, как А. Покровская, в критической статье *Приключения в современной детской литературе* дает обзор девятнадцати новых книг, среди которых *Красные дьяволята* Бляхина аттестуются как «типичный и яркий образец „красной романтики“ для детей, наивный и лубочный» [Покровская 1926, 43], а сам Бляхин характеризуется как «талантливый продолжатель Чарской, лишь контрастный по окраске. Так же негативен и язык его повести по сравнению с языком творений Чарской. Вместо институтского жаргона он употребляет жаргон комсомольский» [Там же, 44]. Действительно, пионерская беллетристика, будь то странствия рабоче-крестьянских сироток или авантюры с подрывом белогвардейских бронепоездов, создавалась с очевидной оглядкой на Чарскую и, шире, в русле уже сложившейся традиции детской беллетристики начала XX в. [Маслинская 2020, 111].

Другой принципиальный упрек звучал в неправдоподобности повести: «Книга Бляхина „Красные дьяволята“ изображает участие детей в Гражданской войне так, как они, может быть, мечтали в ней участвовать. Однако дети совершают поступки, не свойственные их возрасту» [Решетин 1938, 17]. Критика 1920-х гг. подходила к книге с позиций реализма, в то время как у приключенческой литературы свои законы жанра [Борисов 1974, 192]. Все эти претензии имели под собой основания, но нас прежде всего будет интересовать то новое, что закрепляла повесть в детской литературе. Так, помимо того, что активно действующим героем является

девочка, одним из ключевых персонажей становится китаец. Как выяснили исследователи, это один из первых образов китайцев в послереволюционной детской литературе (раньше — только в стихах Н. Я. Агнiewiczа 1921 г., опубликованных эмигрантским издательством в Берлине) [Ян 2021, 57], пик интереса к теме начинается чуть позже и приходится на середину 1920-х — 1930-х гг. [Литовская 2017, 136]. Внимание автора к героям-девочкам и героям, имеющим отличную от титульной национальность, несомненно, отвечало политической повестке 1920-х гг.

Непосредственно соотнести послереволюционные повести об участии подростков в войне можно с дореволюционными произведениями для детей, описывающими другую войну — Первую мировую. Исследователи, обращавшиеся к этим текстам, перечисляют мальчиков-добровольцев, не упоминая ни одной девочки в этой роли [Хеллман 2014, 747–748; Герасимова 2015], что позволяет говорить о том, насколько редка была такая ситуация. Между тем, девочка-доброволка появляется в повести Л. А. Чарской «Игорь и Милица» (1915). Это шестнадцатилетняя институтка Милица Петрович, сербка по национальности, живущая в России. Под влиянием случайного знакомого — гимназиста Игоря — она решает бежать на войну.

В детской литературе 1920-х гг. девочки изображались по-другому. Критик М. Гершензон отмечал, что в авантюрно-приключенческой литературе этого времени девочки показаны, в основном, стереотипно:

В угоду читателю «создается стопроцентный герой», соответствующий ему по возрасту. А для полноты романтического повествования должна, в самый опасный момент, появиться и девочка — необыкновенной красоты, добрая, разделяющая с героем все его приключения и непременно его спасающая [Гершензон 1928, 52].

Нежная девочка из дворян (помещицья дочка Любочка в повести Л. Е. Остроумова «Макар-следопыт», Лиля в «Днях боевых» С. Г. Ауслендера и др.) могла быть лишь второстепенным положительным героем приключенческой беллетристики. В повести «Тайна Ани Гай» С. Т. Григорьева главной героиней была институтка, но боевой участницей Гражданской войны она не стала, хотя и попала в круговорот драматических событий.

Бляхин создает изначально равноправных героев Мишку (Следопыта) и Дуняшу (Овода), чья разная половая принадлежность становится очевидной читателю далеко не сразу. Герои-подростки

повести «правильного», крестьянского происхождения и одного возраста, к тому же близнецы:

Да, они были братьями-близнецами и во многом копировали друг друга, почти никогда не разлучаясь. Однако, если говорить по совести, то Овода полагается называть не братом, а скорее сестрой, т[ак] к[ак] она была самой настоящей девочкой, дерзко поправшей обычаи своего пола и нарядившейся в мужской костюм [Бляхин 1923, 8].

Бляхин неоднократно подчеркивает сходство и равенство героев:

Овод точно также мало в чем отставал от своего брата и тоже доставлял немало огорчений бедной матери [Бляхин 1923, 7].

...им выдали казацьи черкески, пару лохматых папах и по драгунской винтовке. В таком воинственном наряде юнцы чувствовали себя настоящими боевыми казаками и были убеждены, что теперь-то уж им никто не сумеет помешать исполнить свою задачу [Бляхин 1923, 19–20].

Социальное и возрастное равенство героев позволяет четче выявить гендерные особенности внешнего облика и поведения персонажей. В начале повести Бляхина кажется, что речь идет о двух юношах, но позже выясняется, что это элемент стилизации в духе приключенческой повести, в которой героями была чаще всего пара друзей-мальчишек. Игру в «двух товарищей» разыгрывают сами подростки-герои, они выбрали себе литературные маски — имена знаменитых героев, под ними они предстают в своих играх, постепенно все более смешивающихся с реальностью.

Заметим, что коллизия переодевания девочки в мальчика была понятна далеко не всем читателям-подросткам 1920-х гг. А. К. Покровская⁴ фиксирует отзыв о восприятии книги: «Тут говорится про трех мальчиков, как они воевали против бандита Махно» [Покровская 1926, 48]. Более внимательные читатели все же разгадали загадку автора: «Девушка сильная была. Она все равно, как мальчик, как настоящий солдат» [Покровская 1926, 47]. В повести показан пример образцового поведения: девочка-подросток участвовала в войне наравне со своими сверстниками мужского пола. Это расширяло читательскую аудиторию книги: «Многие девочки читают книгу наравне с мальчиками» [Покровская 1926, 45].

Важно, что, несмотря на уже допустимое участие женщин в войне, в повести Бляхина девочка изначально предстает в облике мальчика, что соотносит ее образ с образом героини Чарской Милицей, которая отправляется на войну, переодевшись в представителя противоположного пола. Но нюансы все же есть: Милица

ниже ростом своего товарища-ровесника, она выглядит существенно младше своего возраста («Любавин остановился над младшим из мальчиков, казавшимся двенадцатилетним ребенком. Это была Милица Петровиц» [Чарская 1915, 146]). Если для героев Бляхина участие в войне становится мщением за расстрелянного Врангелем брата, то для Милицы важна ее принадлежность к военной династии. Патриотизм и приверженность родовому патриархальному укладу отразились в ее монологе, мысленно обращенном к отцу: «Я — твоя дочь. Бог перелил мне твою кровь в мои жилы и не могла я, дочь солдата-воина, оставаться в бездействии, когда...» [Чарская 1915, 165]. Персонажи по-разному воспринимают войну: несмотря на то, что в водоворот трагических событий втянуты отец и брат «красных дьяволят», война в целом видится Мишке и Дуняше всего лишь большим приключением — они хотят отправиться бороться за свободу, понятие о которой почерпнули из прочитанных книг. Милице патриотизм привит с детства: не только ее отец-инвалид войны, но и весь сербский народ для нее — большая семья, с которой случилась беда.

Выстраивание воинской идентичности героини Бляхина идет по мужскому образцу, в чем восходит к уже известным моделям. Традиционная гендерная бинарность общества не могла предложить женщине релевантной модели поведения воина. Как отмечает Э. Боренштейн, революционер в большевистской мифологии имел мужские черты [Borenstein 2000, 4]. Л. Рудова поясняет, как формировались образы героев: «...мужское братство, ассоциирующееся с военными темами, — это основа, на которой создаются образы героизма и героя в культуре послереволюционного периода. Идея братства опиралась прежде всего на систему мужских ценностей, в которой женщине не было места» [Рудова 2014, 88]. Дуняша берет имя героя-мужчины и одета как мальчик. Она может за себя постоять:

Шалуны, сверстники Овода, желая поддразнить девчонку, иногда дерзали называть ее просто «Дунькой», но тут же получали от нее такую взбучку, что сразу уверялись в противоположном. Почесывая бока, они отходили прочь, ворча под нос:

— Вот дьяволенок, пхается так, что в пору и мужику [Бляхин 1923, 8].

Для Милицы из повести Чарской перемена облика, обрезание кос, изменение имени, становятся необходимыми ритуалами, призванными приобщить ее к новой роли — воина:

— Ведь вы ничего не имеете против того, чтобы вместо Милицы Петрович стать Митей Агариным, например? Или чем-нибудь в этом роде? И распротиться вот с этими роскошными черными волосами, — с легкой улыбкой спросил Игорь, указывая на пышную густую косу Милицы [Чарская 1915, 112].

Так же, как и Дуняша в драке, Милица еще до участия в военных действиях демонстрирует «недевичьи» способности, но в более благородных областях — владении оружием и фехтовании. Как кавалерист-девица Надежда Дурова, она с детства постигала военное дело. Подчеркивается возвращение ее в военном духе:

— Мой отец, старый герой Балканской войны, обучил меня и брата Иоле стрелять в цель с самого раннего возраста. А старший брат Танасио посадил нас впервые на лошадь, когда нам было только по семи-восми лет. С тех пор мы постоянно ездили дома верхом и стреляли из маленького монтекристо... К тому же я и Иоле учились в детстве и фехтованию на крошечных рапирах [Чарская 1915, 107–108].

Образ героини, предстающей в мужском облике, соотносится с представлениями о женщинах-участницах Гражданской войны. На фронте «женщины перевоплощались в другого гендерного агента, присваивая стереотипы его поведения» [Перельман 2017, 146]: коротко стриглись, курили, разговаривали низким голосом, носили мужскую солдатскую форму. Присвоенная маскулинность (но не трансвестизм, как у Бляхина и Чарской) характерна для женских персонажей литературы для взрослых (Ольга Зотова в «Гадюке» (1928) А. Н. Толстого, Фроська в одноименной повести (1920) В. М. Бахметьева и др.). Во внешнем образе красноармейки зачастую подчеркивались маскулинные черты:

Шла Фроська шпалами, прямо держа стриженую голову, и сзади, широкая в кострецах, плечистая, с шагом крутым и твердым, походила она на парня. <...> Стояла у двери крупная, босоногая... и со щек, просторных, обветренных, косили насмешливо мужичьи глаза [Бахметьев 1924, 789].

Ольга Вячеславовна была худа и черна; могла пить автомобильный спирт, курила махорку и, когда надо, ругалась по матери не хуже других. За женщину ее мало кто признавал... [Толстой 1928, 23].

Та же маскулинизация внешности происходит на фронте и с Милицей:

За эти два месяца... в походе, нежная девичья кожа на лице и руках Милицы огрубела, потрескалась и потемнела, а синие глаза приняли новое настойчивое, упорное выражение... а первое боевое крещение, первая, а за ней и последующие стычки провели неизгладимую борозду в душе девушки и согнали с лица ее всякую женственность, заменив ее настоящей мужской чертой решимости и отваги [Чарская 1915, 150].

У Бляхина гендерная идентичность героини формируется не только на основании внешней маскулинности, но и включает особенности, считываемые как девичьи, — красота, худоба, гибкость: «Второй мальчуган, наоборот, казался гораздо слабее первого, но зато он был выше ростом, очень красив и гибок, как стальная пружина» [Бляхин 1923, 6]. Описанный Бляхиным внешний облик героини сближается с женщинами-воинами других художественных произведений (как для взрослых, так и для детей). Несмотря на необходимость вести походный образ жизни, носить грубую одежду, участницы войны часто сохраняли в своем облике черты несформировавшейся, еще не развившейся девушки — нежность, тонкий девичий стан:

...ведь она была девушка, почти девушка-ребенок, а между тем, какие чисто мужские обязанности ей часто, за неимением лишних рук, приходилось нести на себе! Вот и сейчас, сгибаясь под тяжестью огромного чайника, перегнувшего на сторону ее тонкий девичий стан, еле переступает она к месту ротной стоянки [Чарская 1915, 151].

Марютка тоненькая, — тростиночка прибрежная, рыжие косы заплетает венком под текинскую бурую папаху [Лавренев 1924, 6].

...она спускала до пояса халат и мыла плечи, едва развитые, как у подростка, груди с коричневыми сосками. <...> Тело у нее было стройное, смуглое, золотистого оттенка [Толстой 1928, 3].

В слабой девочке таились железные силы, — непонятно — откуда что бралось. <...> Зотова, тонкая и высокая, с темной ладной шапочкой волос, в полушубочке, натуго перехваченном ремнем, позванивая шпорами, проходила в махорочном дыму казармы. <...> ...конечно, настоящего удара у нее не было: в ударе вся сила в плече, а плечики у нее девичьи [Толстой 1928, 15–16].

Идентичность девушки/женщины бойца в художественных произведениях о Гражданской войне формировалась как через заимствование маскулинных черт солдат-современников, так и с опорой на известные в традиции образы воительниц. Последние изображались прежде всего через гендерную инверсию (героиню характеризуют наличие нормативно маскулинных качеств и совершение

нормативно маскулинных поступков), которая определила топосы сюжета о воительнице: «константный мотив ношения ею *мужского костюма и / или доспеха* (и нередко идущий с ним в паре мотив *неузнания героем девы* в облике воина). <...> ...частый мотив *девственности воительницы*, при утрате которой она теряет и свою невероятную силу [Курсив автора. — О. С.]» [Зусева 2021, 27]. В литературе для взрослых красноармейка показана как девственница:

...приняли красногвардейкой, на равных с прочими правах, но взяли подписку об отказе от бабьего образа жизни и, между прочим, деторождения до окончательной победы труда над капиталом [Лавренев 1924, 6].

Никто бы не поверил, обезживотели бы со смеху, узнай, что Зотова — девица. Но это скрывали и она и Емельянов. <...> ...и Зотова была для всех только братишкой [Толстой 1928, 16].

Конечно, в детской литературе аспект девственности не подчеркивался в силу возраста читателей, но само собой подразумевалось, что Дуняша — девочка, почти ребенок. Сочетание мужского костюма и нежного девичьего стана отсылало к другой типичной черте воительницы — андрогинности облика. Но в повести Бляхина девичье оказывалось не столько несформировавшимся женским, сколько инфантильным. Возможно, потому, что женское в целом и черты, традиционно считающиеся женскими, в повести маркируются отрицательно, в мизогинном ключе, подобные оценки вложены в уста Мишке:

— Разве мы старые трусливые бабы, что сидим здесь у костров мира [Бляхин 1923, 7].

— Чать, мы не бабы, черт возьми, чтобы всякому болтать, как и что [Бляхин 1923, 14].

— А, как это вам нравится, черт побери, — возмущался Мишка, — меня, Следопыта, хотели высечь, как трусливую бабу, да я бы себе нос откусил, а не дался бы на такое позорище [Бляхин 1923, 79].

В минуты смертельной опасности девичье-детское оказывается не сильной чертой, оборачивается слабостью, беззащитностью, но апелляция к детским чертам позволяет заострить жестокость мира взрослых:

И впервые за всю свою боевую жизнь стойкий и крепкий духом Овод почувствовал себя бесконечно маленькой беззащитной девочкой, которая попала в зубчатое колесо кровавой войны, и вот теперь, сию

минуту, будет безжалостно раздавлена вдали от родины, на дне Черной ямы. И взрослые люди показались ей страшными дикими зверями, которые неведомо за что бросились на большую и слабую девочку, с оскаленными клыками [Бляхин 1923, 53].

И тяжкие, не детские слезы покатались по исхудалым щекам бедной девочки, которой так страстно хотелось жить и смеяться... [Бляхин 1923, 54].

Представление о детском оказывается важным и для других персонажей, когда они узнают о поле героини: «Как, неужели это девочка? Неужто грозный атаман воюет даже с такими младенцами? — гневно сверкнув глазами, перебила незнакомка, имевшая такое поразительное влияние на неукротимого бандита» [Бляхин 1923, 51]. Так, детскость отличает героиню Бляхина от красноармеек литературы для взрослых. У Чарской несколько раз подчеркивается трепетное отношение солдат к юным разведчикам, они считают их «дитятами», а один из взрослых предлагает Милице молоко.

У Бляхина само понятие о детскости распространяется и на других юных персонажей повести: «Все трое, как дети, смеялись и прыгали от радости, совершенно упустив из виду, что они уже настоящие разведчики и при том буденовцы» [Бляхин 1923, 79]. Профессия разведчика — одна из основных, которой наделялись дети в произведениях о Первой мировой войне [Хеллман 2014, 747], что отражало положение дел в реальности. Функции разведчиков были детям под силу, а их вид вызывал меньше подозрений во вражеском стане. Став разведчицей, Дуняша проявляет сноровку, выдает себя за сына убитого красными махновского старшины и становится подручным Махно, а на самом деле шпионкой.

Характерно, что и Милица Чарской становится разведчицей, и в этом она не отличается от своего напарника Игоря. Также, полностью наравне с мальчиком, девочка выполняет все другие военные задания:

Юные солдатики-разведчики то и дело отправлялись на разведки «нащупывать» врага по общепринятому военному выражению. Правда, в настоящем рукопашном деле им еще не приходилось быть, зато сколько раз Милица и Игорь помогали засевшим в окопах стрелкам их роты, поднося им патроны и боевые снаряды под градом пуль, под адский вой разрывающейся шрапнели. А те многие разы, что ловкие и проворные солдатики-дети подкрадывались и подползали к самым неприятельским позициям, там, где трудно было бы пробраться вполне взрослому

человеку, — приносили незаменимые, драгоценные сведения о расположении врага своему начальству [Чарская 1915, 146].

В повести Бляхина Мишка стремится выделиться, стать командиром: «В качестве „Следопыта“ Мишка, естественно, принял командование первой самостоятельной разведкой, тем более что он обладал каким-то особым нюхом и способностью быстро ориентироваться и применяться к местности» [Бляхин 1923, 22]. Стремление Мишки стать лидером в своей группе проявляется и в его отношении к китайчонку: «Следуй за мной! — приказал Мишка Ю-ю. — Теперь ты будешь моим оруженосцем» [Бляхин 1923, 19]. И у Чарской «старшим» в паре юных героев признается взрослыми сослуживцами Игорь. Так показан традиционный гендерный порядок маскулинного общества, в котором право решения отдано представителю мужского пола.

К девичьим качествам, которыми наделяется героиня, помимо инфантильности, Бляхин относит сочувствие и эмпатию Дуняши, за проявление которых брат ее строго одергивает:

— Тяжело будет нашей матке-то, — грустно заметил Овод, машинально вытирая полую рубахи заплаканные глаза, — не выдержит она голодухи, зачахнет без нас...

— Не зачахнет, — сурово возразил Следопыт, сам чувствуя, что еще минута и он разревется вслед за Оводом. — Экие вы, бабы, беспонятливые, война-то чать не кухня. Какой же солдат, черт возьми, останется сидеть на печке... [Бляхин 1923, 12].

Таким образом, смелость и решительность героя формируются через обесценивание переживаний героини. Наделяя свою героиню чертами слабости и сострадания, которым не место в суровом пространстве войны, Бляхин подчеркивает, насколько сложно девушке сохранять собственную гендерную идентичность, будучи бойцом. Заостряется неприемлемость нормативной фемининности в образе красноармейки, которая должна преодолеть в себе типичное женское, отринуть традиционные семейные связи, чтобы стать настоящим солдатом.

С другой стороны, часть качеств, проявляемых Дуняшей, обретают гендерную специфику, будучи приписанными девушке, и трактуются как сугубо положительные. Это смекалка и сообразительность Дуняши, приводящая Мишку в восхищение и вынуждающая его уступить ей командование разведгруппой: «Вот так план, — в восторге воскликнул Следопыт, хватая карабин. — Ты не баба,

а сам Ленин. Ну, я пропал. Принимай команду и действуй» [Бляхин 1923, 25]. Отмечена и верность Дуняши общему делу, отказ покидать брата при опасности: «— Нет-нет! — решительно перебил Овод. — Ведь мы поклялись не оставлять друг друга в беде до конца...» [Бляхин 1923, 35].

Девичье в целом становится положительной категорией, которую автор пытается совместить с категорией героического. Здесь можно вспомнить о богатой традиции женского участия в освободительном движении в России, о революционерках и террористках второй половины XIX — начала XX вв., некоторые из них были немногим старше героини Бляхина. Но Дуняша в своих действиях ориентируется на литературный образец поведения мужского персонажа: «В тех местах, где описывались нечеловеческие муки и трагическая смерть Овода, Дуняша неизменно заливалась слезами и внутренне не раз давала клятву так же, как он, пострадать и, если придется, — умереть в борьбе за свободу» [Бляхин 1923, 10]. Автор выбирает литературный пример, тем самым не только вновь показывая «книжность» героев, но и демонстрируя гендерную нейтральность: Дуняше не составляет никакого труда соотнести себя с героем другого пола. Пример героической смерти Овода становится единственно актуальным для нее, в опасном положении девочка оказывается способна к революционному пафосу:

— Нет, я дочь бедняка-крестьянина, который сражается теперь за власть советов, — просто ответила девушка, решив выдержать испытание до конца.

Это неожиданное сообщение произвело на бандита такой эффект, что он, словно ужаленный, вскочил на ноги:

— Как. Ты... ты... девчонка. И ты осмелилась водить за нос самого Махно. А... знаешь ли ты, сучья дочь, что ожидает тебя за шпионство?

— Пытка и смерть, — спокойно ответил Овод [Бляхин 1923, 49].

Пытка Дуняши описывается в героическом ключе. При этом только в критической опасности автор заостряет пол героини, подчеркивая таким образом эссенциалистскую значимость его для автора и разоблачение всех тайн перед лицом смерти:

Юный мученик за святое дело свободы крепко стиснул зубы, готовясь к страшному испытанию. <...>

Мы не будем описывать того, что перенес несчастный Овод от руки палача — это слишком жутко, слишком постыдно и бесчеловечно. <...>

Но ни единого звука, ни слова мольбы о пощаде не сказала юная героиня... Только побелевшее лицо ее покрылось холодным потом, да искушенные губы залились кровью... <...>

Пораженный необычайной силой воли девочки из красного лагеря, Махно с каким-то жутким интересом разглядывал бледное лицо мученицы... [Бляхин 1923, 50].

Так же и в момент казни литературная игра отбрасывается, и героиня называется «девчонкой», а не Оводом, как в большинстве случаев в повести.

Героиня Чарской разоблачению и пыткам не подвергается, но оказывается серьезно ранена и попадает в лазарет. Здесь она встречает сестру Игоря Ольгу, которую сначала даже принимает за него. В образе Ольги автор показывает «правильную» роль женщины на войне — быть сестрой милосердия. Монолог Ольги, построенный на эссенциалистской риторике о мужском и женском предназначении («Милая Милица, зачем вам было насиловать свою женскую природу и выбирать себе подвиг, по которому безусловно не может и не должна идти женщина, на который у нее не хватит сил? Нельзя идти против природы, дорогое дитя») [Чарская 1915, 333]), оказывает влияние на решение Милицы:

Милица поняла, убедилась теперь воочию, что не слабым женщинам нести все тяготы бранного дела. Другие идеалы манили ее теперь. Ей мерещились новые цели, новые достижения. Слова Ольги Корелиной глубоко запали в юную душу. Да, она кончит курс, выйдет из института и будет учиться новому захватывающему делу... Делу ухода за больными и ранеными так же, как Ольга, отдавшая себя этому служению, как много тысяч других славных, мужественных, русских женщин и девушек [Чарская 1915, 336–337].

Таким образом, Чарская будто отменяет всю героическую биографию Милицы, признавая само ее участие в войне в качестве солдата случайностью. И в этом разительное отличие судьбы Милицы от судьбы Дуняши. Бляхин до конца второй части повести сохраняет гендерное равноправие своих героев, не предлагая особого «женского» пути для своей героини.

Итак, хотя в целом героини скорее похожи, чем различны, вывод, который делает Чарская, опрокидывает это сходство. Писательница исходит из эссенциалистских представлений о роли женщины, а потому роль воина оказывается возможной только в качестве исключения. Бляхин тоже создает исключительную героиню, но в его

представлении это не только соотносится с опытом реальных участников Гражданской войны, но и отвечает новому гендерному порядку Советской России, при котором женщины получили равные с мужчинами права во всех сферах жизни.

Можно признать, что для своего времени «Красные дьяволята» были прогрессистским текстом, во многом переосмысливающим гендерные стереотипы. На фоне других произведений для детей той эпохи «Красные дьяволята» — самый гендерно сбалансированный текст, где мальчик и девочка — брат и сестра — изначально действуют равноправно. Но такая героиня остается нетипичной для детской литературы о Гражданской войне 1920-х гг. В произведениях других авторов (С. Ауслендер, С. Григорьев, Л. Остроумов) девочки появлялись редко, оставаясь на вторых ролях.

Повесть Бляхина была одной из первых, в которой описывалось участие в Гражданской войне персонажа женского пола. Образ героини, сочетающей в себе мужские и девичьи черты, походил на появившихся позднее героинь литературы для взрослых. Таким образом, создавалось единое поле литературы о Гражданской войне, где детская литература не закрепляла стереотипы, обращаясь к традиции, а сама становилась пространством формирования языка описания Гражданской войны.

Фабула повести Бляхина непосредственно продолжала традицию детской беллетристики Чарской и авантюрно-приключенческой литературы, однако образ героини обновлял литературные нормы репрезентации женщины-воина, демонстрируя возможные пути к гендерному равенству.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.
- ² Н. И. Бухарин, крупнейший партийный идеолог, впервые сформулировал заказ на создание «коммунистического пинкертон» в 1921 г. [Бухарин 1921]. Впоследствии он пояснил: «...буржуазия именно потому, что она не глупа, преподносит Пинкертон молодежи. Пинкертон пользуется громадным успехом». Материал для произведений он предлагал брать «из области военных сражений, приключений», «подпольной работы», «гражданской войны» [Бухарин 1922].
- ³ Приключенческая повесть 1920-х гг. была рассчитана прежде всего на детское и юношеское чтение. Авантюрные романы для взрослых, определяемые как «красный пинкертон», зачастую написаны малоизвестными и анонимными авторами, а потому недостаточно изучены.

В этой связи поиск персонажей-участниц Гражданской войны в подобных текстах затруднен.

- ⁴ Покровская провела исследование читательских интересов. Было отобрано 19 книг, которые были представлены в нескольких читальнях на передвижной выставке, посещавшейся детьми среднего и старшего школьных возрастов. В результате был установлен половозрастной состав читателей этих книг и собраны их отзывы.

Литература

Источники

Бахметьев 1924 — Бахметьев В. М. Фроська // Красная нива. 1924. № 33. С. 786–791.

Бляхин 1923 — Бляхин П. Красные дьяволята. Харьков, 1923.

Бухарин 1921 — Бухарин Н. Подрастающие резервы и коммунистическое воспитание // Правда. 1921. № 266, 25 нояб. С. 2.

Бухарин 1922 — Бухарин Н. И. Доклад на V Всероссийском съезде РКСМ «Коммунистическое воспитание молодежи в условиях Нэп'а» // Правда. 1922. № 232, 14 окт. С. 2.

Лавренев 1924 — Лавренев Б. А. Сорок первый // Звезда. 1924. № 6. С. 5–41.

Толстой 1928 — Толстой А. Н. Гадюка (Повесть об одной девушке) // Красная новь. 1928. № 8. С. 3–33.

Фурманов 1960 — Фурманов Д. А. Собрание сочинений: В 4 т. / [под общ. ред. А. Г. Дементьева и др.]; [предисл. Ю. Либединского]. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 1: Чапаев / [подготовка текста и примеч. М. Н. Сотсковой].

Чарская 1915 — Чарская Л. А. Игорь и Милица [Соколята]: Повесть для юношества из великой европейской войны. Пг.: тип. АО тип. дела, 1915.

Исследования

Борисов 1974 — Борисов Б. Н. Две редакции повести П. А. Бляхина «Красные дьяволята» // Художественный образ и историческое сознание: Межвузовский сборник / отв. ред. И. П. Лупанова. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1974. С. 190–205.

Герасимова 2015 — Герасимова И. Ф. Образы детства в русской поэзии периода Первой мировой войны // Libri Magistri. 2015. № 2. С. 52–60.

Гершензон 1928 — Гершензон М. Детские книги С. Григорьева // Печать и революция. 1928. Кн. 3. С. 178–180.

- Гершензон 1928a* — Гершензон М. Революционная романтика в детской книге о гражданской войне // Печать и революция. 1928. Кн. 5. С. 142–149.
- Зусева-Озкан 2021* — Зусева-Озкан В. Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. (Серия «„Вечные“ сюжеты и образы». Вып. 5)
- Литовская 2017* — Литовская М., Яо Чэнчэн. Китай и китайцы в русской советской детской литературе 1920–1930-х гг. // Детские чтения. 2017. № 1 (11). С. 133–156.
- Маликова 2014* — Маликова М. «Красный пинкертон» как политический заказ НЭПа // Русская литература. 2014. № 4. С. 217–235.
- Маслинская 2020* — Маслинская С. «Пионерская» беллетристика vs «Большая» детская литература // Детские чтения. 2012. № 1 (1). С. 100–116.
- Маслинская 2019* — Маслинская С. Г. Право на мобильность: траектории перемещения героев детской литературы 1920-х годов // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 140–150.
- Перельман 2017* — Перельман И. В. Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка. Феномен Марии Бочкаревой // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (83). С. 142–148.
- Покровская 2013* — Покровская А. Основные течения в современной детской литературе // Детские чтения. 2013. № 2 (4). С. 7–37.
- Покровская 1926* — Покровская А. К. «Приключения» в современной детской литературе // Новые детские книги. Сб. 4. М.: Работник просвещения, 1926. С. 17–92.
- Путилова 2014* — Путилова Е. Возвращение приключенческой повести 1920-х гг. // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 51–66.
- Решетин 1938* — Решетин С. О детской мечте // Детская литература. 1938. № 13. С. 15–18.
- Родионова 1990* — Родионова Н. Н. Советская приключенческая повесть: (Проблема типологии жанра). Автореф. дис. ... канд. филол. н. М.: [МГПИ], 1990.
- Романишина 2018* — Романишина В. Н. «Все девушки и женщины обязаны пройти Всеобуч и допризывную подготовку...» // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 78–81.
- Рудова 2014* — Рудова Л. Маскулинность в советской и постсоветской детской литературе: трансформация Тимура (и его команды) // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 85–101.

Хеллман 2014 — Хеллман Б. Мобилизация детей: военная тематика в журналах для детей и юношества периода Первой мировой войны // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 745–757.

Ян 2021 — Ян Липин. Рецепция китайской культуры в русской литературе для детей: 1920-е годы: дис. ... канд. филол. наук. М.: [Московский педагогический государственный университет], 2021.

Borenstein 2000 — Borenstein El. Men without Women: Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917–1929. Durham; London: Duke Univ. press, Cop. 2000.

References

Borisov 1974 — Borisov, B. N. (1974). Dve redakcii povesti P. A. Bljahina “Krasnye d’javoljata” [Two editions of the Novella by P. A. Blyakhin “Little Red Devils”]. In I. P. Lupanova (Ed.), Hudozhestvennyj obraz i istoricheskoe soznanie: Mezhvuzovskij sbornik. [Artistic Image and Historical Consciousness: An inter-university collection] (pp. 190–205). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.

Borenstein 2000 — Borenstein, El. (2000). Men without Women: Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917–1929. Durham; London: Duke University. press.

Gerasimova 2015 — Gerasimova, I. F. (2015). Obrazy detstva v russkoi poezii perioda Pervoi mirovoi voiny [Childhood Images in Russian Poetry of World War I period]. Libri Magistri, 2, 52–60.

Gershenson 1928 — Gershenson, M. (1928). Detskie knigi S. Grigor’eva [Children’s Books by S. Grigoriev]. Pechat’ i revoljucija, 3, 178–180.

Gershenson 1928a — Gershenson, M. (1928). Revoljucionnaja romantika v detskoj knige o grazhdanskoj vojne [Revolutionary Romanticism in Children’s Book about the Civil War]. Pechat’ i revoljucija, 5, 142–149.

Hellman 2014 — Hellman, B. (2014). Mobilizatsiia detei: voennaia tematika v zhurnalakh dlia detei i iunoshstva perioda Pervoi mirovoi voiny [Conscription of Children: War Theme in Children and Teen Magazines of World War I period]. In V. V. Polonskii (Ed.), Politika i poetika: russkaia literatura v istoriko-kul’turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. Publikatsii, issledovaniia i materialy [Politics and Poetics: Russian Literature in the Historical and Cultural Context of the World War I. Publications, Research and Materials] (pp. 745–757). Moscow: IWL.

Ian 2021 — Ian, Lipin. (2021). Retseptsiiia kitaiskoi kul’tury v russkoi literature dlia detei: 1920-e gody [Reception of Chinese Culture in Russian Literature for

Children: 1920s] (doctoral dissertation). Moscow Pedagogical State University, Moscow.

Litovskaia 2017 — Litovskaia, M., Iao, Chenchen (2017). Kitai i kitaitsy v russkoi sovetskoj detskoj literature 1920–1930-kh gg. [China and the Chinese in Russian Soviet Children's Literature of the 1920s–1930s]. *Detskie chteniya*, 1 (11), 133–156.

Malikova 2014 — Malikova, M. (2014). “Krasnyj pinkerton” kak politicheskij zakaz NJePa [“Red Pinkerton” as a Political Order of the NEP]. *Russkaya literatura*, 4, 217–235.

Maslinskaja 2020 — Maslinskaya, S. (2020). Pionerskaja belletristika vs Bol'shaja detskaja literatura [Pioneer Fiction vs Big Children's Literature]. *Detskie chteniya*, 1 (1), 100–116.

Maslinskaja 2019 — Maslinskaya, S. G. (2019). Pravo na mobil'nost': traektorii peremeshhenija geroev detskoj literatury 1920-h godov [The Right to Mobility: Trajectories of Movement of Children's Literature's Heroes in the 1920s]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2, 140–150.

Perelman 2017 — Perelman, I. V. (2017). Vlijanie Pervoj mirovoj vojny na razvitie rossijskogo gendernogo porjadka. Fenomen Marii Bochkarevoj [The Impact of World War I on the Development of the Russian Gender Order. The Phenomenon of Maria Bochkareva]. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. Tambov: Diploma, 9 (83), 142–148.

Pokrovskaya 2013 — Pokrovskaya, A. (2013). Osnovnye techenija v sovremennoj detskoj literature [The Main Trends in Contemporary Children's Literature]. *Detskie chteniya*, 2 (4), 7–37.

Pokrovskaya 1926 — Pokrovskaya, A. K. (1926). “Prikljuchenija” v sovremennoj detskoj literature [“Adventures” in Contemporary Children's Literature]. In *New Children's Books*, 4. (pp. 17–92). Moscow: Worker of Education.

Putilova 2014 — Putilova, E. (2014). Vozvrashhenie prikljuchencheskoi povesti 1920-h gg. [The Return of the Adventure Story in the 1920s]. *Detskie chteniya*, 2 (6), 51–66.

Reshetin 1938 — Reshetin, S. (1938). O detskoj mechte. [About a Child Dream]. *Detskaja literatura*, 13, 15–18.

Rodionova 1990 — Rodionova, N. N. (1990). Sovetskaja prikljuchencheskaja povest': (Problema tipologii zhanra) [Soviet Adventure Story: (The Problem of Genre Typology)] (abstract of the dissertation). Moscow Pedagogical State University, Moscow.

Romanishina 2018 — Romanishina, V. N. (2018). “Vse devushki i zhenshchiny obiazany proiti Vsevobuch i doprizyvnuuiu podgotovku...”. [“All Girls and Women are Obligated to Pass through the Vsevobuch and the Pre-conscription Training...”]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 3, 78–81.

Rudova 2014 — Rudova, L. (2014). Maskulinnost' v sovetskoj i postsovetskoj detskoj literature: transformacija Timura (i ego komandy) [Masculinity in Soviet and Post-Soviet Children's Literature: the Transformation of Timur (and his Team)]. *Detskie chteniya*, 2 (6), 85–101.

Zuseva-Ozkan 2021 — Zuseva-Ozkan, V. B. (2021). Deva-voitel'nica v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, sjuzhety [The Warrior Maiden in the Literature of Russian Modernism: Image, Motives, Plots]. Moscow: Indrik.

Olga Simonova

The Gorky Institute of World Literature RAS; ORCID:
0000-0002-4802-7750

GIRLS IN YOUNG ADULT LITERATURE ABOUT THE RUSSIAN
CIVIL WAR IN THE 1920S (CASE OF THE NOVELLA “LITTLE RED
DEVILS” BY PAVEL BLYAKHIN)

A girl as the title character rarely appeared in written in the 1920s young adult literature about Russian Civil War. The article discusses the novella “Little Red Devils” (1923) by Pavel Blyakhin, in which a teenage girl Dunyasha becomes a participant in the Russian Civil War. The important feature of this text was the author's attention to gender and national characteristics, which undoubtedly corresponded to the political agenda of the 1920s. Blyakhin creates an active heroine who in many respects matches the heroines of the Russian Civil War as they are portrayed in adult literature. Typical characteristic of such heroines is the appropriated masculinity along with the girl's features. The presence of typologically similar characters contributed to the creation of a single field of children's and adult literature about the Russian Civil War. Feminine traits are generally interpreted as positive, and the writer tries to combine them with the category of the heroic. At the same time Dunyasha is not much different from the title heroine of Lidiya Charskaya's novel “Igor and Militsa” (1915). Blyakhin does not cancel the exploits of the heroine, unlike Charskaya who at the end of the novel remembers about “female destiny”, but fixes gender equality, which corresponds to the new gender order, and this is his innovation.

Keywords: russian literature of the 1920s, adventure literature, Pavel Blyakhin, gender, masculinity, the Russian Civil War, Lidiya Charskaya